

мысомъ появятся большіе корабли“ (Вмѣсто предисловія).

Передъ лицомъ народовъ сложныя задачи; онѣ требуютъ опредѣленнаго образа рѣшеній, опредѣленнаго, яснаго, какъ Божій день, слова. И радоваться только тому, что изъ-за узкаго мыса плывутъ корабли, еще рано: большіе корабли часто приносятъ большую заразу.

„Нечаянная Радость“ опредѣленно пронизана все тѣмъ же воплемъ нищаго:

Кто взманилъ меня на путь знакомый?

.....

Нищій, распѣвающийъ псалмы?

(Стр. 97).

Нищій ли это странникъ, или горе-гореванье? Во всякомъ случаѣ не псалмы распѣваетъ нищій, а панихиду:

Со святыми меня упокой.

(Стр. 24).

Сквозь бѣсовскую прелесть, сквозь ласки, расточаемыя чертенятамъ, подчасъ сквозь поддѣлку подъ дѣтское или просто идиотское обнажается вдругъ надрывъ души глубокой и чистой, какъ бы спрашивающей судьбу съ удивленной покорностью: „Зачѣмъ, за что?“ И увидавъ этотъ образъ, мы уже не только преклоняемся передъ крупнымъ талантомъ, не только восхищаемся совершенствомъ и новизною стихотворной техники,—мы начинаемъ горячо любить обнаженную душу поэта. Мы съ тревогой ожидаемъ отъ нея не только совершенной словесности, но и совершенныхъ путей жизни.

Книга издана съ обычнымъ изяществомъ, присущимъ всѣмъ изданіямъ „Скорпіона“.

А. Бѣлый.

АЛЕКСѢЙ РЕМИЗОВЪ. „ПОСОЛОНЬ“. 1907.

Изд. журнала „Золотое Руно“. Ц. 1 р.

То, о чемъ А. Кондратьевъ говорилъ въ своей рецензій о моей книжкѣ такъ вяло и мелко, дѣйствительно существуетъ. Дѣйствительно, уже начинается наша молодая литература осознать будущее и, предвидя великое искусство освободившейся Руси, несетъ и свои кирпичики къ будущему монументу. Кирпичики, потому что Илья-то еще сидитъ, калики только-только пришли.

Именно такой историческій моментъ—ожиданія и кануна—заставляетъ всякое теперешнее національное творчество быть сгущеннымъ, напитаннымъ до пресыщенія, быть возомъ драгоцѣнностей, который надо развозить во всѣ стороны, чтобъ отдѣльные камни засверкали всѣми гранями.

Таковъ и есть Алексѣй Ремизовъ. Сидитъ, корпится,

выписываетъ, подбираетъ буковку къ буквѣ, сверлитъ себѣ мозгъ, бисеромъ картину пьетъ. Инымъ быть еще не можетъ. Время не пришло. „Не умѣю я по-человѣчьию говорить, а то бы сказалъ“. Вотъ уже придетъ весна, „сброситъ Кострома свою колючку-ежовую шубу, протретъ глазенки, да изъ овина на всѣ четыре стороны, куда взглянется, и пойдетъ себѣ“—къ всенародному искусству.

А пока:

Трамъ-тамъ-тамъ,

Трамъ-тамъ-тамъ,

Тамъ-тамъ,

Тамъ.

„Голосимъ, какъ умѣемъ“, по словамъ Федора Сологуба.

Можетъ, то ужъ и не Ремизовъ будетъ, а, можетъ, и онъ. Я только хочу сказать, что кирпичъ, который онъ несетъ, хорошій, настоящій, не то что у „несомѣнныхъ“ поэтовъ и поэтессъ—впрочемъ, не хочу заражаться манерой А. Бѣлаго говорить съ послѣдовательностью поговорки: въ огородѣ бузина, а въ Кіевѣ дядя.

Кирпичъ Ремизова это его языкъ. Не въ томъ дѣло, чтобы писать о чертенятахъ, бѣсенятахъ, сатирахъ и сатирессахъ—на это есть специалисты—а въ томъ, какъ писать. Иной цѣлую книгу напишетъ по самымъ что ни на есть ученымъ источникамъ, а вы ему не повѣрите. А Ремизовъ выдумаетъ, спросонья совретъ, въ родѣ:

„Кучерище въ окнѣ игрушки ѣлъ“,

или:

„Показали ангелочкамъ шишки“,

или:

„Лѣпшій краль дороги въ лѣсу да посвистываль“,

или:

„Зачесалъ чортъ затылокъ отъ удовольствія“

— читатель вѣритъ.

Вся штука въ читателѣ. Лучшія мѣста, вѣрные образы, это тѣ, когда въ толпѣ глаза загораются, смѣхъ вспыхиваетъ и всякій точно рубль получилъ.

А такихъ мѣстъ въ книжкѣ „Посолонь“ много-много.

Она тѣмъ и сильна, что ея образы естественны, не напрокатъ взяты, а сами пришли. „Ромашка съ желтымъ пузикомъ“, бѣсъ, у котораго „такое творится, что будь ты кисель киселемъ и то засмѣешься“; мышка, „свистуха отчаянная: самому коту на лапу наступлю, ищи-свищи-вывернусь“; гусыня, которая „несла яйцо, не замѣтила, какъ ужъ день подошелъ къ вечеру“; волкъ, съѣдающій гусей: „ничего не могу подѣлать, я—сѣрый волкъ“; „мохноногая, брюхатая Алена верхомъ на рябиновой палкѣ съ мутовкой на шеѣ“; Пахомъ, топящій „изъ ребячьяго сала свѣчу“:

„Петька, мальчишка дотошный, паландать куда гораздый“ вѣдь это все (беру сряду) живьемъ-живое, деревенское. А отъ поэзіи только и надо, чтобъ она была живая, алая, какъ морковь, зеленая, какъ овесъ,—какая-нибудь, а не никакая.

Неся въ себѣ всѣ черты поэзіи Ремизова, „Посолонь“ въ тоже время имѣетъ одно достоинство, недостающее другимъ его произведеніямъ—общедоступность, включая сюда для половины книжки и дѣтей. Ее бы за двугривенный пустить было хорошо.

Много можно было бы распространиться про ароматъ книги, запахъ лѣса, нашу задупенную христіанствомъ миѳологию и пр. и пр., но это все уже извѣстно. Благодарная была бы работа изслѣдовать ритмъ, присущій языку Ремизова, на основаніи законовъ, открытыхъ проф. Ѳ. Зелинскимъ въ этой области.

Изданіе на высотѣ современной книжной техники. Рисунки Крымова милы, какъ мило все, что дѣлается этотъ художникъ, и имѣютъ что-то общее съ содержаніемъ книги въ своей непосредственности и искренности. Хороши птицы и стрекозы на обложкѣ, солнце надъ колосьями на стр. 29. Только не надо непонятностей, какъ на стр. 34 и 41.

Сергій Городецкій.

НИК. ПОЯРКОВЪ ПОЭТЫ НАШИХЪ ДНЕЙ.

Критическіе этюды. Москва. 1907 г. Цѣна 1 руб.

Самъ авторъ говоритъ о своей книгѣ: это—„бѣглый конспектъ, въ которомъ можно найти общія замѣчанія о наиболѣе интересныхъ представителяхъ современной русской поэзіи“. У автора есть „общія замѣчанія“, но нѣтъ общей идеи, и тѣмъ стержнемъ, на которомъ наизаны его „критическіе этюды“, по преимуществу, служить — личная симпатія, кружковой вкусъ. Г. Поярковъ—поэтъ, примыкающій къ новой школѣ русской поэзіи, онъ—участникъ тѣхъ же періодическихъ изданій и альманаховъ, въ которыхъ пишутъ характеризующимъ имъ „поэты нашихъ дней“. Такимъ образомъ, для г-на Пояркова, естественно, „наиболѣе интересными представителями современной русской поэзіи“ являются—„свои“, друзья и соучастники по журналамъ и сборникамъ. Конечно, это — не бѣда. Наоборотъ: въ этой близости къ тѣмъ, о комъ пишетъ г. Поярковъ, могла бы заключаться цѣнная возможность интимнѣе, глубже, во многомъ вѣрнѣе понять и опредѣлить тѣ поэтическія индивидуальности и тотъ общій характеръ современной молодой поэзіи, которые такъ дороги и такъ высоко цѣнимы г-номъ Поярковымъ. Къ сожалѣнію, эта возможность не использована авторомъ такъ, какъ можно было бы ждать. „Поэты нашихъ дней“ — книга черновой слѣшной работы,

безъ перспективы, безъ руководящей идеи, безъ шлифовки стиля. Поэты рѣдко бываютъ хорошими критиками. Непосредственность, восторженность, влюбленность, цѣнные для поэта, мѣшаютъ критику. Лирическіе взрывы удовольствія перебиваютъ вдумчивую рѣчь тамъ, гдѣ авторъ пытается опредѣлить сердцевину творчества того или другого поэта. „На берегу Средиземнаго моря, въ тѣ дни, когда тамъ бываетъ особенно много розъ и сверкаетъ веселіе карнавала, впервые узнать я Бальмонта - поэта. Въ большой комнатѣ бібліотеки одного ученаго, между историческими изслѣдованіями и трактатами, я напелъ запыленную книгу—„Горящія зданія“. И подъ шумъ моря, на берегу, перечитывалъ ее“. Очевидно, не умолкъ еще для г-на Пояркова шумъ моря, не погасло сверканье карнавала, не умеръ запахъ розъ и тогда, когда онъ набрасывалъ страницы своей книги. Отсюда—приподнятость, увлеченность, какая-то умиленная улыбочка лежатъ на книгѣ. Отсюда—недостаточная вдумчивость, вѣрность и глубина оцѣнокъ, неровность и пестрота мыслей и языка. И если бы „Поэтамъ нашихъ дней“ суждено было возродиться во второмъ изданіи, можно было бы предложить г-ну Пояркову дать его книгѣ нѣсколько иное заглавіе: „Мои воспоминанія изъ моихъ любимыхъ современныхъ поэтовъ“ (Черновые наброски).

Во всякомъ случаѣ, книгу г-на Пояркова врядъ ли можно назвать излишней. Въ ней есть вѣрное и любопытное, а главное — она одна изъ первыхъ, если не самая первая попытка дать оцѣнку представителямъ молодой русской поэзіи. Человѣку, мало или вовсе незнакому съ этой поэзіей и вмѣстѣ нечуждому истинно художественныхъ интересовъ въ области литературы, „Поэты нашихъ дней“ окажутъ нѣкоторую услугу „этюдами“ о К. Д. Бальмонтѣ, А. Блокѣ, В. Я. Брюсовѣ, А. Вѣломѣ, Ив. А. Бунинѣ, З. Н. Гиппиусѣ, А. Добролюбовѣ, Вячеславѣ Ивановѣ, Ив. Коневскомѣ, М. Лохвицкой, Д. С. Мережковскомѣ, Ѳ. Сологубѣ и др. И, конечно, въ книгу г-на Пояркова заглянетъ каждый будущій историкъ русской литературной современности.

Скальдъ.

АЛЕКСАНДРЪ КОНДРАТЬЕВЪ. САТИРЕС-СА. Миѳологическій романъ. Книгоиздательство „Грифъ“. Москва. 1907 г. Стр. 99. Ц. 1 р.

Красивая тетрадь въ обложкѣ blanc et noir, а на обложкѣ—нимфа, пышноволосая, большая и съ длинными руками. Она на странныхъ мохнатыхъ ногахъ и выходитъ изъ чаши дикихъ розъ.

Слово „satyresse“ создано задолго до Родена, а на одной флорентійской фрескѣ Дж. Санъ-Джованни можно увидѣть